

ли мне говорили: «Как это тебе удастся сидеть на нескольких стульях, и на каждом сидеть уверенно». Но, наверное, если сидеть на одном стуле, он рано или поздно превращается...

— ...в трон?

— Не обязательно. Но, возможно, у него больше шансов превратиться если не в трон, то в особенное место. Вот смотрите. Одному человеку природа дает сколько-то дара. И он этот дар делеет, холит, пестует, работает с ним, превращает в достояние. И люди замечают наконец эти усилия, и признают его, и ценят его. А другого судьба щедро одаряет множеством разных талантов...

— Прекрасные родители, внешность, способности — вы о себе?

— Это я обо всех. Хочешь — пиши, хочешь — пой, хочешь — играй, с людьми общайся. И человек это принимает, пользуется играючи, считая само собой разумеющимся. А в результате у одного том за томом

она была сильной, с мощным духом, волей, характером. Была двигателем нашей семьи, строителем папиной судьбы, женщиной, в которую мгновенно влюблялись все, и она обожала людей и жизнь, превращала каждый день в праздник! И так ей было отчаянно тяжело осознать свою немощь. Конечно, нельзя не задумываться о том, что нас ждет. Но и готовиться к этому каждый день — зачем? Надо жить сегодня, сейчас. Да, человек не может не смотреть вперед. Но заглянуть туда не дано никому.

— По долгу профессии вы общаетесь с огромным количеством людей. Что вас чаще всего раздражает?

— Меня давно уже ничего не раздражает. Гораздо важнее для меня, когда коллеги или просто незнакомые люди говорят о моих работах в театре, в кино или о нашем новом с братом проекте «2 Верник 2» на канале «Культура», и то, что я актер Московского художественного театра со счастливой возможностью играть лучших драматургов и

выходит в тираж, а у другого сплошные рукописи в голове. Вот я, к примеру, никак не могу записать диск. Есть люди, которые говорят: «Мы любим твои песни, дай нам просто отдельные треки, мы будем слушать». Я говорю: «Сейчас-сейчас, я выпущу диск». Говорю это десять лет, может быть, больше. Не могу сказать, что это выдающиеся какие-то песни — наверное, нет. Но почему, если это у меня уже есть, не довести дело до конца...

— Вы боитесь старости?

— Как можно не бояться старости? Да и потом старость тоже бывает разной. Иногда ужасной, а иногда счастливой, как вознаграждение за что-то или просто как генетический дар. Вот, к примеру, как взрослеет мой папа — я говорю «взрослеет», потому что слово «стареет» к нему неприменимо. Он включен в жизнь, ему все интересно, из него плещет энергия, он с книгой все время, он за рулем до сих пор, он еще год назад преподавал в институте. А моя мама — она, к сожалению, очень тяжело уходила. Тяжело прежде всего для нее самой, потому что

лучшие роли. Федор Бондарчук, мой друг, говорит мне: «Ты женат на профессии». Ну тут я с ним согласен, с этим надо что-то делать...

— Тем не менее пока вы предпочитаете профессию.

— Потому что сегодня реализация в ней для меня важнее всего. Я очень, очень долго к этому шел. Я служу в лучшем, по моему скромному мнению, театре страны. И сыграл за последние годы семь, восемь или девять главных ролей в потрясающих спектаклях. Не кичусь этим, говорю как человек, влюбленный в свое дело и готовый работать столько, сколько нужно. Тот виляющий хвостом щенок, каким я был на первом курсе театрального института, не знал, что такое счастье придет в его жизнь. Именно это и есть счастье, мое сегодняшнее счастье!

На Игоре Вернике вещи из весенне-летней коллекции Pal Zileri

Фотограф: Иван Кайдаш
Стилист: Екатерина Павелко
Продюсер: Любовь Неверовская